Таянова Т. А.

ПРОБЛЕМА ПЕЛЕВИНА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ: АНТИКРЕАТИВНОСТЬ?

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/89.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 213-214. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

4. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. - М.: ЧеРо, 2003. - 349 с.
5. Митина И. Е. Английские пословицы и их русские аналоги. - СПб.: КАРО, 2003. - 336 с.
6. Хазан А. А. Словарь английских пословиц и фразеологических выражений. - Смоленск: Русич, 2001. - 560 с.

ПРОБЛЕМА ПЕЛЕВИНА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ: АНТИКРЕАТИВНОСТЬ?

Таянова Т. А.
Магнитогорский государственный университет

Самое главное обвинение, около десятка лет предъявляемое поборниками «настоящей литераторы» «ненастоящему», «симулятивному» и «бездуховному» В. О. Пелевину (помимо только что названных качеств) - это *само*повторы. Хотя представляется, что самоповторы, вовсе не грех. И у Ф. М. Достоевского, например, все главные тексты связаны общими мотивами (прежде всего преступления и наказания) и пересекающимися героями (подобными Авдотье и Родиону Раскольниковым). Называют и другие грехи: отвратительный стиль (то бишь, явно не бунинское и не тургеневское владение языком), картонные характеры (схематичные, неживые, психологически **недо-** или **непро**рисованные), слишком явно обслуживающие идеи книг, да и сами идеи - вторичные, неновые.

Вторичность, суррогатность, имитативность, - как известно, антиподы большого искусства, т.е. критерии литературы массовой. Именно они - доказательство ее низкого художественного качества. Но, думается, в связи с Пелевиным вторичность, суррогатность, имитативность, эпигонство иногда могут расцениваться как художественно обоснованные и удачно примененные (обыгранные) приемы. Самоцитирование, имитация «своего» могут быть, например, прочитаны как способ разоблачения современного искусства, суррогатность (суррогат классики и ее ценностей, суррогат соцреализма и т.д.) - как обличение симулятивного сознания представителей общества-симулякра, общества-матрицы, которые пасутся, будто стадо за гламурно-гулаговской проволокой и не замечают ее.

Эпигонство Пелевина - это снижающее, но в то же время творческое, а не механическое использование «уже готовых», т.е. ходовых образов, мотивов, стилистических оборотов, приемов и т.д. для доказательства часто «самоцитируемой» мысли, а именно: бытие есть копия, подделка, ненастоящее.

Со всеми перечисленными выше обвинениями, часто адресующимися Пелевину, можно соглашаться и не соглашаться. Все зависит от того, какой ракурс их восприятия выбрать. Сегодняшняя реальность диктует как минимум четыре способа оценки художника. И если во главу угла мы поставим отношения «читатель - книга - писатель», а не «критик - книга - писатель», то очевидно, не критерий соответствие установкам «настоящей литературы» будет главным мерилом. Как известно, В. О. Пелевин ни разу не был номинирован на Букера, значит, как творческая единица просто отсутствует для поборников истинного искусства, таких как Павел Басинский, например.

Но есть другие критерии «досмотра» текста. Их диктует наша реальность. Книги Пелевина читают, в том числе и потому, что это статусное чтение, относящее индивида к интеллектуальной элите (как, например, статусная вещь, автомобиль высокого класса относит владельца к бизнес-элите, финансовой элите).

Это модное чтение. Критерий «модно-немодно» сейчас очень распространен в Интернет-критике и критике из глянца (начиняя от умного «Эксперта» и заканчивая одиозным «Плейбоем», который, как ни странно, тоже иногда берется оценивать современную литературу). Писатель, входящий в моду, должен полностью соответствовать вкусам, привычкам, господствующим в его социальной среде, в его время, более того - в чем-то формировать их. Он обязан располагать качествами «властителя дум» своей эпохи, обладать нравами и характером «героя времени».

Пелевина издают. Причем большими тиражами. Это уже критерий коммерческий (тиражный). Только официально у первого издания «Священной книги оборотня» (2004 г.) тираж составил 150 100 экз.

Таким образом, то, что делает творчество Пелевина принадлежностью масскульта, - налицо. Прибыль, коммерческий успех, выручка, громадные тиражи, массовость. Когда в 1999 году после появления «Поколения П» многими критиками был озвучен приговор: исписался, повторяется, самоцитирует, - никто и не думал, что спустя три с половиной года его новую книгу «ДПП…» сметут с прилавков уже в сентябре 2003. То же самое, кстати, произошло и с романом «Ампир В», за которым велась уже не магазинная, а почти хакерская охота.

В статье «Масс и культ» М. Веллер называет несколько критериев массовой литературы. Помимо вторичности, низкого художественного качества, коммерческой составляющей и собственно массовости - это явная установка «потешать толпу» (кстати, сам Веллер как теоретик масскульта в этом не видит ничего плохого, так как тем же занимались Аристофан и Мольер, Рабле, Беранже, Жванецкий и Высоцкий). Эту черту масскульта можно истолковать упрощенно как развлекательность. Но девиз «потешать толпу» сложнее - это не совсем бескорыстное желание соответствовать ее ожиданиям, а они могут быть сформулированы очень коротко: писать просто и интересно, а не заумно и занудно, и не о том, что интересует только тебя и придуманную тобой Вечность, а о сегодняшнем, актуальном, текущем, т.е. о том, что интересует всех, и о той «Вечности», которая эти интересы оправдывает или им соответствует.

С первых своих шагов в литературе Пелевин придерживается именно этого правила. При всей своей почти «нуарной» контркультурности он не асоциален, более того - один из самых социально мыслящих писа-

телей современности. «Злобу дня» тяжело превращать в искусство. Полотно истории, эпохи, живое, подвижное, оно меняется на глазах, ему тесно в книге и в библиотеке, где должно храниться нечто веское и определенное. Обобщать, типизировать нынешнее, подводить итоги текущего - все равно, что изучать большое вблизи.

В одной из лучших книг Пелевина «Чапаеве и Пустоте» главный герой Петр на протяжении всего текста занят поисками Пути в Пустоту, которая, к слову, на языке Пелевин есть предельная наполненность пониманием и смыслом. Однако в ходе этих поисков героя читатель находит на страницах произведения портрет полукриминальной России девяностых, причем вполне убедительный. Да - абсурдизация, да - гротеск, да - карикатурность, но и реальность тоже, социальных красок в ее изображении не меньше, чем философски-экзистенциальных и постмодернистски-интертекстуальных. Пусть социальное Пелевина очень тесно связано с притчевым, как у Щедрина, Гоголя и Булгакова, но сатирически-остро-актуального звучания от этого оно никогда не теряет, даже в одной из последних вещей «Empire V (Ампир «В»)» (2006 г.). В обозначении общественных недугов Пелевин (как и названные выше художники) не врач-диагност; временами кажется, что в его текстах происходит искусственное взвинчивание, даже утрирование признаков тех социальных болезней, которые еще только наметились (например, одержимость баблосом и гламуром («Ампир «В»»), тотальная зомбированность рекламой («ДПП…»), потребление ради потребления («Священная книга оборотня»).

Сергей Кузнецов в рецензии, опубликованной в «Русском журнале» 11 сентября 2003 года, подводя итоги пятнадцатилетнего пелевинского «нашествия» на нашу литературу, справедливо сказал о его книгах: «Все эти книги объединяло то, что они одновременно были злободневны и притчеобразны. Сакральное и профанное в них перерастало друг в друга точно так же, как сатира оборачивалась визионерством. Я до сих пор считаю, что по книгам Пелевина можно изучать русский быт последних двух десятилетий - разбросанные там и сям мелкие детали стоят дороже подробных реалистических полотен...».

Хочется добавить только, что пелевинские книги с каждым годом производят все более гнетущее впечатление, все меньше в них желания развлечь, разыграть, спровоцировать, все больше понимания, что мир безнадежно испорчен, все больше щедринских интонаций и тягостного сарказма. Удивительно, но то же гнетущее впечатление производит и перестроечная и постперестроечная проза антагонистов Пелевина - В. Астафьева (центральная тема - грандиозная порча мира и человека грехом (не только социальным), В. Распутина («Дочь Ивана, мать Ивана» - повесть, написанная в соответствии с принципом В.Г. Белинского «социальность, социальность - или смерть»).

Однако путь пелевинских героев - путь от социума. Как Обломов, Мастер, они хотят уйти от грязи, от темных мертвых дел и душ, в некую вторую реальность-антиреальность, искать истинное Бытие № 2 (ср.: творческие установки современного драматурга Ивана Вырыпаева, его пьесы «Кислород», «Бытие №2», «Июль», киносценарий «Эйфория» и т.д.). Думается, это и есть его главная социальная провокация - утверждать, что любая физическая жизнь здесь есть глупая и постыдная ошибка (см., например его «Священную книгу…»).

Удивительная вещь, В. О. Пелевин - мировоззренческий экстремист (приверженец крайних взглядов и на действительность и на искусство), провокатор, контркультурщик, представитель элитарного, или, как он сам выражается, «развитого постмодернизма». Не подмигивающий читателю (как любой «массовик» от искусства, желающий понравиться, чтобы продать), а все более поплевывающий в его сторону, - массовый, культовый, модный, статусный писатель. Столь же элитарный сколь народный, избранный нами путем денежного голосования, а значит соответствующий не только нашим общим вкусам, но культуре, мировоззрению, самосознанию.

Он умудряется совмещать в себе и своем творчестве конформизм и нонконформизм. С одной стороны, бунт против существующего государственного устройства, современных культуры, литературы, политики, религии, рекламы, СМИ и т.д. А с другой стороны, соответствие господствующим мнениям на этот счет. Он, безусловно, - герой своего времени, хоть и кривое, но многое отражающее зеркало эпохи. Жаль, что не Солнце, ведь мы так заждались его, как собственно и креативности в истинном понимании - творческой, новаторской и главное действенно, радикально *созидательной* деятельности (от лат. creatio - созидание, сотворение).

ЕДИНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ СТЕПЕНИ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ НЕКОНТАКТНОГО РУССКО-АНГЛИЙСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)

Трегубова Ю. А.
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

Степень интерференции в иноязычной речи билингва исследовалась различными учеными, занимающимися проблемами двуязычия и интерференции. Так, Л. Л. Аюпова выделяет такие степени интерференции, как, сильная, умеренная, слабая, едва заметная и нулевая, при чем последняя наблюдается очень редко [Аюпова 1988: 43-49]. Сильная интерференция проявляется комплексно, на всех уровнях речи - фонетическом, лексико-семантическом, грамматическом. Умеренная интерференция предполагает при хорошем владении